

18+

Вяземская

РАЗВОД

Простить нельзя!

Рита Вяземская

Развод. Простить нельзя!

«Издательские решения»

Вяземская Р.

Развод. Простить нельзя! / Р. Вяземская — «Издательские решения»,

Вернувшись с северной вахты, Матвей находит в родной двери чужой замок. Жена сбежала с богатым любовником, продала квартиру, а дочь хладнокровно сдала в приют. Против простого рабочего — деньги, связи и равнодушие чиновников. Но сломать человека, прошедшего сквозь буран, невозможно. Ради дочери Матвей объявит войну системе и докажет: настоящий фундамент жизни строится только на честности и любви.

© Вяземская Р.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	10
ГЛАВА 4	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Развод. Простить нельзя!

Рита Вяземская

© Рита Вяземская, 2026

ISBN 978-5-0071-3927-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Тяжелый состав, прибывший напрямик с ямальных широт, со скрипом замедлил ход под сводами новосибирского вокзала.

Матвей поднялся с полки. Перекинув через плечо массивный баул из плотной кордуры, он двинулся к тамбуру. На дне этой необъятной сумки, замотанные в несколько слоев непромокаемой пленки, покоились деньги — его личный итог трех лет каторги.

Но куда важнее были подарки для Полины.

Почти все свободное место в бауле занимала гигантская коробка с коллекционным архитектурным конструктором из тысяч деталей.

В боковом отсеке бережно лежал увесистый деревянный пенал с набором профессиональной художественной пастели и несколько плотных скетчбуков. Дочь всегда тянулась к искусству, могла часами сидеть на ковре, вырисовывая причудливые фасады зданий и замков.

Инну вечно раздражала эта творческая пыль на полу, поэтому Матвей и выбрал дорогой органайзер, чтобы у девочки было свое законное пространство для рисования.

Сапоги Матвея гулко ударили по промерзшему бетону платформы. Колючий ноябрьский ветер немедленно швырнул ему в лицо пригоршню ледяной крошки, но после ямальных буранов это казалось лишь легким сквозняком.

Отмахнувшись от назойливых таксистов, дежуривших у выхода, он пересек привокзальную площадь, лавируя в потоке вечно спешащих людей, и втиснулся в промерзший салон старенького трамвая.

Позади остались три года на газовых промыслах в тундре. Матвей вычеркнул эти дни из жизни ради одной цели.

Вагоны-бытовки, промерзающие за ночь до инея на стенах, ремонт магистральных труб на пронизывающем ветру, когда металл жжет руки даже через двойные рукавицы, и работа сутками напролет, без выходных и праздников.

Он брал самые тяжелые смены. Все заработанное уходило на то, чтобы вытащить семью из долговой ямы и скопить дочери на нормальное будущее.

Трамвай трясло.

За покрытым морозными узорами стеклом проносился изменившийся Новосибирск. Город оброс кричащими неоновыми вывесками, новыми торговыми центрами, дорогами иномарками, подрезающими неповоротливый общественный транспорт.

Эпоха диктовала новые законы: все куда-то бежали, скупали, перепродавали, делали деньги из воздуха. Матвей наблюдал за этой лихорадкой с абсолютным спокойствием. Во внутреннем кармане его сумки лежала сумма, способная обеспечить им с Инной и Полей годы безбедной жизни.

Знакомый двор панельной девятиэтажки встретил его запахом сырости и ржавым скрипом детских качелей. Газоны были изуродованы следами автомобильных шин, но в остальном дом ничуть не изменился. Матвей рванул на себя тугую подъездную дверь. Лифт, как это часто бывало, стоял с темной кабиной, поэтому мужчина привычно зашагал по бетонным ступеням, перемахивая через одну. Его тяжелые ботинки отбивали глухой, размеренный ритм.

Пятый этаж.

Матвей остановился на площадке, нащупывая в кармане связку ключей, сделал шаг к своей квартире и замер.

Там, где долгие годы висела разохшаяся деревянная дверь, обитая вздутым дерматином, теперь тускло блестел монолит из порошковой стали. Вместо привычного советского замка зияла узкая прорезь сложного импортного механизма. Не веря своим глазам, Матвей попы-

тался вставить ключ, но металл лишь царапнул чужую скважину. Он поднял взгляд на номерок. Тридцать четыре. Ошибки быть не могло.

Большой палец вдавил кнопку звонка. За стальной преградой раздалась приглушенная мелодичная трель. Послышались грузные шаги, замок дважды сухо щелкнул, и дверь приоткрылась.

На пороге стоял незнакомый грузный мужчина. Он оценивающе оглядел широкие плечи и обветренное лицо Матвея.

— Чего надо? — хмуро поинтересовался хозяин.

— Инну позови. Или Полину, — ровным, низким голосом произнес Матвей.

Мужчина криво усмехнулся и по-хозяйски оперся плечом о дверную коробку.

— Нет здесь никаких Инн. Мы эту жилплощадь еще по весне взяли. Все честь по чести, через риэлторское агентство. Нотариус каждую запятую выверял.

— Как это — взяли? — пальцы Матвея сжались на лямке баула. — Это моя квартира. Здесь моя жена прописана, Инна.

— С женой и разбирайся, — тон незнакомца мгновенно заледенел. — Продавала баба, вся из себя расфуфыренная. С ней еще хмырь какой-то терся, на джипе сюда подкатывали. Ключи на стол, деньги в кассу. Так что давай, топай отсюда, пока я ментов не вызвал.

Дверь с силой захлопнулась. Лязг ригелей замка гулким эхом ударил по стенам подъезда.

Матвей не отшатнулся. Он остался стоять на лестничной клетке, не сводя глаз с бездушного серого металла. Широкий ремень соскользнул с плеча, и тяжелый баул с глухим стуком опустился на грязный бетон. В голове стояла звенящая пустота.

В этот момент за спиной еле слышно скрипнули петли. Соседняя дверь приоткрылась на ширину цепочки. В щели показалось морщинистое лицо Зинаиды Марковны — пенсионерки, которая знала всех жильцов дома поименно.

— Матвей... — выдохнула она, словно увидела призрака. — Вернулся.

Мужчина медленно повернул голову. Его лицо превратилось в каменную маску, желваки нервно дернулись под кожей.

— Зинаида Марковна. Что здесь творится? Где Инна? Где Полина?

Старушка суетливо перекрестилась, звякнула цепочкой, распахивая дверь шире, и отступила в полумрак своей прихожей.

— Заходи, Матюша. Не стой на сквозняке. Долгий у нас с тобой разговор будет... Ох, долгий.

ГЛАВА 2

Матвей молча поднял свой тяжелый баул, перешагнул порог и оказался в душной, заставленной советской мебелью прихожей. В нос ударил старческий запах корвалола и пыльных ковров. Зинаида Марковна засуетилась, предлагая ему снять куртку и присесть на старенький пуфик, но мужчина остался стоять посреди тесного коридора, словно каменное изваяние. Он даже не сбросил лямку с плеча.

— Не тяните, Зинаида Марковна, — ровно произнес он, глядя поверх головы соседки на выцветшие обои. — Говорите все как есть.

Старушка тяжело опустилась на край обувной тумбы, нервно комкая в руках край выцветшего домашнего халата. Ей явно было страшно произносить вслух то, что она собиралась сказать.

— Не дождалась она тебя, Матюша... — голос пенсионерки дрогнул. — Первые-то полгода жила как обычно, а потом завелся у нее хахаль. Вадимом кличут. Человек при больших деньгах, коммерсант какой-то, дела крутит. Стал на дорогих машинах за ней прикатывать, в рестораны увозить. Вся разодетая стала ходить, чужая совсем.

Матвей опустил взгляд. Его пальцы, покрытые белесыми шрамами от ямальных обморожений, медленно сжимались в чугунные кулаки.

— А квартира как ушла? — глухо спросил он.

— Так по той самой бумаге, которую ты ей у нотариуса выправил перед отъездом. Генеральная доверенность. Она по ней жилье-то вмиг скинула, барахло свое собрала и упорхнула к нему.

Матвей сделал тяжелый шаг вперед. В тесном коридоре от его крупной фигуры словно стало еще меньше воздуха.

— Полина... Где моя дочь? Они ее с собой забрали?

Соседка отвела глаза и судорожно вздохнула.

— Да не сдался чужой ребенок этому коммерсанту. Жесткий он мужик, брезгливый. Инна поначалу вроде пыталась Полю с собой таскать, да только девочка плакала все время, капризничала, про тебя спрашивала. Никак нового «папу» принимать не хотела. Вот мать и решила проблему... Сдала она Полю в детский дом, тот, что на отшибе, за промзоной. Соседям наплела, что там спецшкола, дисциплина, кружки... А на деле — просто вышвырнула дите, чтоб новую жизнь не портила.

Матвей не сказал ни слова. Он резко развернулся и рванул на себя ручку входной двери.

— Спасибо за правду, Марковна, — бросил он через плечо, выходя на лестничную клетку.

На улице уже сгустилась плотная сибирская ночь. Редкие фонари выхватывали из темноты косые полосы колючего снега. Новосибирск погружался в сон, укрываясь за теплыми окнами квартир. Но у Матвея больше не было дома, а день для него только начинался. Осознание того, что его десятилетняя дочь прямо сейчас находится в казенных стенах, среди чужих и равнодушных людей, жгло изнутри раскаленным железом.

Ждать утра он не собирался.

Ориентируясь на дымящие трубы ТЭЦ, он двинулся в сторону промзоны. Дорога заняла больше часа, но Матвей не чувствовал ни усталости, ни пронизывающего ветра. Он шагал размеренно, как автомат. Перед глазами всплывали обрывки прошлого: как он учил Полю собирать простенькие домики из кубиков на ковре, как она смешно хмурилась, пытаясь нарисовать их кошку. И тот день перед отъездом на Север... Он присел перед ней на корточки и вложил в ее маленькую ладошку тяжелые механические карманные часы на цепочке. *«Слушай, как они*

тикают, Поля. Каждая секунда делает мой приезд ближе. Считай время до моего возвращения, и я обязательно приеду».

Сквозь снежную пелену наконец проступили очертания мрачного трехэтажного здания. Территорию опоясывал высокий забор из сваренных стальных прутьев. У въездных ворот маячила тускло освещенная будка.

Матвей подошел вплотную к обледенелой калитке и взялся за металл голыми руками.

— Эй! Ты чего тут вынюхиваешь?! — раздался хриплый окрик.

Из будки выкатился сторож в безразмерном тулупе. Он остановился в паре метров от забора, направив луч мощного фонаря прямо в лицо незваному гостю.

— Мне к дочери нужно, — спокойно, но с нажимом произнес Матвей, не щурясь от яркого света. — К Полине.

— Мужик, ты белены объелся? — возмутился сторож, опуская фонарь. — Ночь на дворе! Отбой давно был, спят все. Завтра приходи, в приемные часы, к директору. Ворота на замке.

Матвей несколько секунд смотрел на охранника, затем коротко кивнул. Он не стал ломать замок или устраивать скандал — это не решило бы проблему, а лишь отдаляло его от дочери. Развернувшись, он зашагал прочь от забора в метель.

До рассвета оставалось совсем немного. Ему предстояло подготовиться к битве с бюрократической машиной. Он твердо знал одно: завтра он вытащит Полину из этого бетонного мешка, чего бы ему это ни стоило.

ГЛАВА 3

Новосибирское утро выдалось безжалостно серым. Колючий ветер гнал по улицам поземку, когда Матвей подошел к обшарпанным дверям районной администрации. Табличка «Отдел опеки и попечительства» тускло отсвечивала в свете энергосберегающих ламп коридора.

Он толкнул дверь и шагнул в тесный кабинет, задыхающийся от запаха старой бумаги и дешевого растворимого кофе. За столом, заваленным пухлыми картонными папками, восседала грузная женщина с туго стянутыми на затылке волосами. Она методично, с каким-то мертвым упоением, расчерчивала толстый журнал учета.

— Слушаю, — бросила она, даже не соизволив поднять взгляд.

Матвей подошел вплотную к столу и с глухим хлопком опустил свой паспорт прямо поверх ее аккуратных записей.

— Я за дочерью. Полина Матвеевна. Мать сдала ее сюда, пока я был на севере.

Чиновница недовольно поморщилась, сдвинула его документ кончиком ручки, поправила очки в роговой оправе и наконец посмотрела на визитера.

— Искали мы вас, гражданин. Запросы слали. Только супруга ваша, Инна Валерьевна, принесла нам нотариально заверенную бумагу. Черным по белому написано: муж уехал в неизвестном направлении, семью бросил, материальной поддержки не оказывает. Связь утрачена.

Матвей тяжело оперся костяшками пальцев о край столешницы.

— Это вранье. Я три года отпахал на ямальских газопроводах. Переводил ей на счет каждый месяц до копейки.

Женщина равнодушно пожала плечами, в ее глазах не дрогнуло ни капли сочувствия.

— К делу ваши слова не пришьешь. По документам девочка — на полном обеспечении государства. А вы, уж извините, лицо без определенного места жительства. Квартира ваша официально продана. Куда вы ребенка заберете? На теплотрассу?

— У меня есть деньги, — голос Матвея стал еще ниже, в нем зазвучал опасный металл. — Хватит, чтобы до вечера снять лучшую квартиру в Новосибирске и обставить ее от и до. Верните мне дочь.

— У нас регламент, гражданин, — чиновница откинулась на спинку кресла, чувствуя свою мелкую власть. — Сначала идите в суд. Аннулируйте заявление матери. Потом принесете мне справку о наличии жилплощади, выписку о доходах с белой зарплатой, характеристику с места работы. Месяца через три-четыре соберем комиссию, рассмотрим. А пока — освободите кабинет, не мешайте работать.

Матвей развернулся и вышел на морозную улицу.

Государственная машина работала по своим бездушным алгоритмам, и сейчас ее шестеренки крутились против него. Ввязываться в суды означало оставить Полину в казенных стенах на долгие месяцы. Был только один способ сломать этот механизм — заставить саму Инну прийти сюда, забрать свое подлое заявление и признаться в подлоге.

Найти в крупном городе человека, который сорит деньгами, — задача решаемая. Матвей направился обратно к привокзальной площади, где всегда кучковались таксисты. Эти люди знали изнанку города лучше любой милиции.

Подойдя к группе курящих водителей, он без долгих вступлений спросил:

— Мужики, кто знает коммерсанта по имени Вадим? С недвижимостью крутится.

Один из таксистов, мужчина в потертой кожаной кепке, смерил Матвея подозрительным взглядом. Но когда в широкой ладони рабочего блеснула хрустящая купюра, память водителя мгновенно освежилась.

— Как не знать, птица видная, — таксист ловко спрятал деньги в карман. — Офис у него где-то в центре, но по вечерам он всегда в одном месте зависает. Ресторан «Огни Сибири». У него там свой стол, вся его братия там трется, вопросы решают.

Матвей коротко кивнул. Цель была определена.

ГЛАВА 4

Зимние сумерки обрушились на Новосибирск стремительно, словно кто-то разом выключил рубильник на небе. Метель усилилась, заметая следы на тротуарах, когда Матвей подошел к ресторану «Огни Сибири». Массивная неоновая вывеска хищно вгрызалась в снежную пелену, отбрасывая на сугробы пульсирующие рубиновые блики. У тяжелых дубовых дверей с латунными ручками переминались с ноги на ногу двое охранников в длинных черных пальто.

Матвей, не сбавляя шага, поднялся по обледелым ступеням. В его широкой, тяжелой походке было нечто такое, что заставило секьюрити инстинктивно расступиться. Он толкнул дверь и шагнул из морозного ада в эпицентр искусственного, душного рая.

В лицо ударил плотный, тягучий коктейль из запахов: жареного на углях мяса, дорогого алкоголя и тяжелого селективного парфюма. Приглушенно играл живой джаз, звенел хрусталь, слышался вальяжный смех. Матвей, в своей потертой рабочей куртке со следами вьезшегося машинного масла и тяжелых ботинках, выглядел здесь как инородный предмет, как кусок неотесанного гранита посреди ювелирной витрины. Но ему было плевать на косые взгляды публики. Его глаза, привыкшие выхватывать детали сквозь ямальные бураны, методично сканировали полумрак зала.

Он нашел их почти сразу.

Угловая VIP-зона, отгороженная от остального зала бархатными канатами. Инна сидела на глубоком кожаном диване. Матвей едва узнал женщину, с которой прожил столько лет. От прежней, домашней Инны не осталось и следа. Теперь это была холеная, ухоженная дама в изумрудном вечернем платье. Идеальная укладка, хищный маникюр, тяжелые золотые браслеты, змеями обвивающие запястья. Напротив нее, вальяжно развалившись в кресле, сидел Вадим — грузный, лохотный мужчина в дорогом импортном костюме, который с трудом сходился на его плотной фигуре. Они неспешно потягивали вино из пузатых бокалов, о чем-то переговариваясь.

Матвей двинулся прямо к их столику. Он шел напролом, не замечая официантов с подносами, разрезая пространство зала, как ледокол. Остановился он только тогда, когда носки его ботинок уперлись в край их стола.

— Здравствуй, Инна, — произнес он. Голос прозвучал негромко, но в нем была такая плотность, что он легко прорезал гул ресторана.

Инна вздрогнула так, словно через нее пропустили ток. Бокал в ее руке дернулся, и рубиновая жидкость выплеснулась на белоснежную крахмальную скатерть, расплзаясь, словно свежая кровь. Она медленно подняла глаза. На секунду ее лицо перекошил животный, неприкрытый страх, но он тут же утонул в маске надменного, безгливого раздражения.

— Ты?.. — выдохнула она, суетливо озираясь по сторонам, проверяя, не смотрит ли на них кто-нибудь из знакомых. — В таком виде... Что ты здесь забыл?

Вадим неторопливо положил серебряную вилку на край фарфоровой тарелки. Он протер губы тканевой салфеткой и смерил незваного гостя тяжелым, оценивающим взглядом человека, привыкшего все покупать и продавать.

— Иннусик, это еще что за явление Христа народу? — протянул коммерсант, раздраженно барабанил толстыми пальцами по столу.

— Бывший муж, — процедила Инна сквозь зубы, вжимаясь в спинку дивана. — Я же говорила, он там, на северах, пропал.

Матвей даже не повернул головы в сторону Вадима. Для него этот человек был лишь декорацией. Он смотрел прямо в глаза жене, пытаясь найти на дне ее зрачков хоть каплю совести.

— Зачем ты сдала Полю в детдом? — каждое слово Матвея падало на стол, как свинцовая гири. — Зачем подделала доверенность на квартиру? Завтра, ровно в восемь утра, ты пойдешь в опеку и заберешь свое заявление. Иначе я вас обоих под монастырь подведу. За мошенничество.

Вадим хрипло рассмеялся, достал из кармана золотую зажигалку и со звонким щелчком откинул крышку.

— Слышь, работяга, ты, берега попутал, — коммерсант выпустил струю дыма. — Квартира по бумагам моя. Женщина — тоже моя. А чужой прицеп в моем новом доме мне даром не уперся. Так что делай ноги, пока я охрану не спустил.

Трое крепких парней из личной охраны Вадима, сидевших за соседним столиком, уже начали подниматься. Коротко стриженные, с бычьими шеями, они были готовы разорвать любого по одному щелчку пальцев хозяина.

Матвей не сдвинулся с места. Внутри него разливалось то абсолютное, ледяное спокойствие, которое всегда приходило перед неизбежной катастрофой.

— Я без дочери отсюда не уйду, — глухо, но непреклонно произнес Матвей, глядя только на Инну. — Скажи им. Скажи, что ты ее мать. Скажи, что мы заберем ее.

Но женщина лишь презрительно скривила накрашенные губы, отвернувшись и начала с подчеркнутым интересом рассматривать узоры на тяжелых портъерах. Она сделала свой выбор.

Вадим едва заметно кивнул. Этот ленивый жест стал спусковым крючком.

Охранники синхронно шагнули вперед, беря Матвея в плотное полукольцо. Джаз на сцене резко оборвался. Посетители за соседними столиками начали в панике вскакивать, опрокидывая стулья, стараясь оказаться как можно дальше от эпицентра назревающей бури.

Один из амбалов бесцеремонно положил тяжелую ладонь на плечо Матвея.

— Пошел на выход, пока зубы целы, — прорычал он, попытавшись силой развернуть гостя к дверям.

Это было ошибкой.

Годы каторжного труда на Ямале, где Матвею приходилось в одиночку ворочать обледенелые металлические трубы и держать на весу тяжеленные задвижки, превратили его мышцы в тугие стальные тросы. Он не стал размахиваться. Просто резко повел плечом, вкладывая в движение весь корпус. Чужая рука слетела, а сам охранник пошатнулся, потеряв равновесие от неожиданно мощного отпора.

В ту же секунду второй боец попытался нанести быстрый удар сбоку. Матвей ушел с линии атаки инстинктивно, перехватил летящую руку за предплечье, рванул на себя и с глухим рыком швырнул нападавшего в сторону. Охранник пролетел пару метров и спиной рухнул на пустой сервированный стол. Хрусталь, фарфор и столовое серебро со звонким грохотом брызнули во все стороны. Кто-то из посетительниц истошно завизжал.

Первый охранник, оправившись, бросился на Матвея с кулаками. Матвей глухо выдохнул, уклонился от тяжелого свинга и ответил коротким, сокрушительным хуком снизу прямо в челюсть. Раздался неприятный хруст, и амбал кулем осел на ворсистый ковер, держась за лицо. Третий телохранитель благоразумно отступил на шаг и суетливо выхватил из-за пазухи рацию.

Вадим, красный как рак, вскочил с кресла. Его бокал опрокинулся, заливая брюки вином.

— Ментов! Вызывай ментов, живо! — истошно заорал он администратору, который в ужасе вжался в барную стойку. — Он нас убьет!

Матвей стоял посреди разгромленного зала, тяжело дыша. Грудь вздымалась, костяшки пальцев саднили. Он не хотел этой грязной драки. Вся эта ресторанная возня казалась ему мелкой, недостойной. Он медленно перевел взгляд на Инну. Она вжалась в угол дивана, прикрывая рот дрожащими ладонями, ее глаза были расширены от ужаса.

— Инна! — хрипло вырвалось у Матвея. Он сделал к ней один шаг. — Опомнись. Это же Поля. Это наша кровь. Пошли со мной, заберем ее прямо завтра. Я все забуду, клянусь. Ни слова не скажу.

Но ответить она не успела. За панорамными окнами ресторана взвыла милицейская сирена, разрезая метель синими и красными вспышками. Спустя минуту дубовые двери с треском распахнулись, и в зал ворвались четверо патрульных в зимних бушлатах, на ходу выхватывая резиновые дубинки. Уцелевший охранник Вадима тут же ткнул пальцем в Матвея.

Милиционеры навалились на него со всех сторон, заламывая руки за спину. Матвей даже не пытался сопротивляться. Он обмяк, позволяя холодной стали наручников больно впиться в запястья. Его взгляд был намертво прикован к лицу бывшей жены.

К столику неспешно подошел дежурный офицер. Заметив Вадима, он услужливо кивнул — коммерсанта в этом районе знали хорошо.

— Что тут стряслось, Вадим Сергеевич? — вежливо поинтересовался капитан.

— Пьяный отморозок ворвался! — Вадим брезгливо отряхнул лацканы пиджака. — Денег требовал, моей женщине угрожал. Охрана хотела его вежливо вывести, а он кинулся с кулаками. Половину кабака разнес, урод.

Офицер достал дежурный блокнот и повернулся к Инне, которая продолжала сидеть, вжавшись в кожу дивана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.